

О «ПЕРВЕНСТВУЮЩЕМ УЧЕНОМ СОСЛОВИИ» РОССИИ В СОСТАВЕ АВТОРОВ СЛОВАРЯ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ

Европеизация России резко обострила ощущение государственной значимости состояния языка, необходимость его стилистического упорядочения и корректности в научном подходе к словотворческой деятельности при переводе книг, открывающих для русского читателя новые области науки. Учреждая Санкт-Петербургскую Академию наук, Петр I хотел привлечь в нее европейских ученых по физике, химии, астрономии, математике. Первые ее президенты: Л.Л.Блюментрост, И.А.Корф — видели свою задачу в подготовке к деятельности в Академии молодых российских адъюнктов. Для стажировки у европейских ученых по этим специальностям и для изучения иностранных языков в 30-е—40-е годы отбирались наиболее способные молодые люди из школ, семинарий, духовных академий.

Как пишет «начальник Академии» — барон Корф, «по мысли Петра Великого, это ученое общество учреждено не только для дальнейшего усовершенствования наук, но и для распространения просвещения в России»¹. Корф распорядился: «Из учеников, кои есть в Москве в Спасском училищном монастыре, выбрать в науках достойных двадцать человек» и прислать в Академию. 2 января 1736 г. отставной прапорщик Василий Попов привез из Москвы «из богословского курса»: Василия Лебедева, Якова Виноградова, Якова Несмеянова, «из философского» — Александра Чадова, Дмитрия Виноградова, Ивана Голубцова, Михайлу Ломоносова, «из курсов риторики» и «пиитики» — Алексея Барсова, Никиту Попова, Семена Старкова...

Д.Виноградов и М.Ломоносов отправлены учиться «до химической науки и горных дел» и «притом — естественной истории, физике, геометрии, механике, гидравлике и гидротехнике».

Их отчеты, привезенные из Германии, долго лежали на чтении в Академии наук.

В 1742 г. М.Ломоносов был определен адъюнктом по физике. Со временем в круг его обязанностей и интересов вошли также химия и астрономия. Впоследствии, через сто лет, напишут: «Физические сочинения ... Ломоносова ... отличаются двумя великими достоинствами... — это: ясность понимания, умение поставить вопрос... И, конечно, никто лучше Ломоносова не писал по-русски о физических предметах»². Он стал поистине признанным авторитетом в области научного перевода в Академии наук. Ломоносов и сам много переводил (с латинского, немецкого языков: труд Гейнзиуса о комете 1744 г., «Первые основания металлургии и рудных дел» 1763 г. и др.) и правил труды своих коллег по академии (перевод с немецкого «Арифметики», сделанный В. Лебедевым 1744 г.; «Краткого введения в геометрию», сделанного И.Голубцовым)³, работал с лексиконами, например, с Латинско-русским и Русско-латинским словарем К.Кондратовича. Лексикон К.Кондратовича после смерти Ломоносова был передан Андрею Богданову, и в числе других работ из Ломоносовского архива он был использован при работе над Словарем Академии Российской. Проект Регламента Академии наук, который Петр успел отредактировать, но не успел

¹ Пекарский П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 2. —СПб., 1873. С. 286. (Далее: Пекарский).

² Любимов Н.А. М.В. Ломоносов как физик // В воспоминание 12 января 1855. —М., 1855. С. 4, 5, 6, 13—16.

³ Образцы правки — см.: Пекарский ... С. 368.

утвердить, гласит: «Науки, которые в сей Академии могут учинены быть, свободно бы в три класса разделить можно: в 1 классе содержались бы все науки математические и которые от них зависят, во 2-ом — все части физики, в 3-м — гуманиора, история, право... Академик всякий должен в том только трудиться для отечества, что к его науке принадлежит» (статья 16)⁴.

Пример М.В.Ломоносова показывает, как узки бывают уставные рамки для широкой природы одаренного человека. Деятельность ученого-энциклопедиста совсем не ограничивалась естественно-научной сферой. Он понимал, что порядочный химик должен быть и математиком, и оптиком. Но он сам был еще блестящим гуманитарием. И пиитика — его область.

Занимался он также теорией красноречия, российской грамматикой («Я хотя и не совершу [завершу — Г.Б.], однако начну <то>, что будет другим после меня легче делать...»)⁵. Больше всего в Академии наук он ратовал за подготовку научной смены, за четкую работу Университета и Гимназии⁶.

В Академии М.В.Ломоносов не раз ставил вопрос о «всесловном» университете: «В Европейских университетах ни единому человеку не запрещено учиться, кто бы он ни был», ... «тот студент почтеннее, кто больше поучится, чей он сын, в том нет нужды». Он не упускал возможности переводить в Университет лучших студентов (из Невской семинарии, например: Румовского, Протасова, Котельникова), хотя это и встречало резкое сопротивление канцелярии. В разное время управлялись с Университетом Иван Иванович Лепехин и Семен Кириллович Котельников, будущие академики. В программы учеников Академии входило создание переводов трудов учителей и — на их основе — учебных пособий в избранной области на русском языке. Россия торопилась учиться. Молодая научная элита росла в зарубежных научных стажировках, длительных экспедициях по изучению природных богатств России, ее культуры, быта населения, в передаче зарубежных знаний и отечественных наблюдений — и все это с целью преподавания в академическом Университете и Гимназии.

Среди тех питомцев Университета, кто получил звание адъюнктов и магистров, были: А.П.Протасов, Н.И.Попов, С.К.Котельников, Н.Я.Озерецковский, С.Я.Румовский, А.А.Барсов, Н.Н.Поповский, В.М.Севергин, А.К.Кононов, Я.Д.Захаров, А.Константинов и др. Не все они получили звания академиков, но все принимали участие в создании Словаря. Даже студенты Гимназии, числившиеся в Санкт-петербургской Академии переводчиками, Д.М.Соколов и П.И.Соколов, прошли в Словаре путь от студента-«приобщника» до действительного члена Академии Российской и в связи с большой научно-организационной деятельностью были удостоены Золотой медали Екатерины Великой.

Силами «первенствующего ученого сословия», которое воспитал Ломоносов, удалось «усовершенствовать и возвеличить русское слово».

Успех Словаря — вне всяких сомнений — обеспечен трудом и талантом молодой научной элиты России. Но понять дух эпохи, деятельно соответствовать этому духу могла только просвещенная верховная власть. Более чем справедливы слова, которые открывают Предисловие к Словарю:

«Всякому, в летописях искусившемуся довольно, известно, что народное просвещение повсюду медленными шествует стопами, если не споспешествует оному мудрость и попечение самих Государей».

⁴ Уставы Российской Академии наук. 1724–1999. — М., 1999.

⁵ Пекарский ... С. 588.

⁶ «Черновой собственноручный отрывок ... из проекта устава для гимназии... » — см.: Пекарский ... С. 925–926.